

УДК 94 (517)

БАТУНАЕВ Эдуард Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; Batunaeveduard@mail.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена историографическому обзору наиболее значимых работ современных зарубежных монголоведов, в которых представлена эволюция взглядов зарубежной историографии в различных аспектах монголоведения. На основе анализа автор выявляет общие тенденции, перспективные направления, новые методологические подходы в развитии монголоведных исследований.

Ключевые слова: Монголия, зарубежная историография, монголоведение, зарубежные монголоведные исследования, тенденции, методология

Современное зарубежное монголоведение стало самостоятельным научным направлением лишь после Второй мировой войны. Широкое развитие изучение Монголии в послевоенные годы приняло в США (Вашингтонский, Колумбийский, Гарвардский, Индианский университеты), Германии (Боннский университет), Великобритании (Кембриджский, Лидский, Лондонский университеты), Франции (Парижский университет) и в других научных центрах. Отмечается рост интереса к изучению новейшей истории Монголии, ее политики, международного положения, экономики и государственного устройства.

Причины столь пристального интереса к монголоведению на Западе были связаны с послевоенным устройством, образованием мировой социалистической системы, идеологическим и политическим противостоянием СССР и Запада. Наиболее характерная черта западной монголистики, как и востоковедения в целом, – решительный поворот к современности, изучение наиболее актуальных в политическом отношении проблем новейшей истории Монголии.

Необходимо отметить, что историография в данный период была инструментом идеологической борьбы как советских, так и западных исследователей. Это жесткое противостояние между СССР и США, западными странами шло в русле «холодной войны» на всех фронтах – военном, экономическом и идеологическом. Советские и западные ученые обоюдно критиковали работы друг друга, основываясь на противопоставлении двух мировых систем – капиталистической и коммунистической.

В этой связи советские ученые в изучении истории Монголии выделяли два подхода в западной историографии: объективистский и фальсификаторский [Гольман 1970: 24]. Необходимо отметить, что в большинстве своем западные исследователи считали монгольскую революцию 1921 г. «экспортом революции» – навязанной советским руководством и Коминтерном. Мы считаем, что сводить все к внешнему фактору было бы неверным, поскольку были свои более глубокие внутренние причины оказания помощи со стороны советского государства, обусловленные прежде всего стремлением самого монгольского

народа к независимости, международному признанию и сохранению суверенитета Монголии.

На базе исследований Ч. Бодуэна, О. Латиммора, Р. Рупена, П. Тана, Дж. Фритерса и др. западных монголоведов [Bawden 1968; Lattimor 1955; Rupen 1979; Tang 1959; Friters 1951] была прослежена сложная и противоречивая история Монголии в XIX – первой половине XX в., а также политика царской и советской России в Монголии.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что проблема формирования монгольского национализма и государственности была во многом predeterminedена влиянием Советской России и Китая в указанный период [Lattimor 1955; Rupen 1979; Bawden 1968; Friters 1951; Murphy 1966]. Вместе с тем проблемными местами западных историков были недостаток знаний и отсутствие доступа к архивным источникам. С конца 1930-х гг. МНР стала практически закрытой для западных ученых, что подталкивало их к поиску данных в имеющихся работах советских и монгольских ученых.

Особое внимание в трудах Р. Рупена посвящено развитию национальной идеи объединения монгольязычных народов, вопросам социально-экономической и политической истории МНР [Rupen 1964]. Основные направления критики советской исторической школы в работах Р. Рупена, Ч. Боудена сводились к отрицанию закономерности революции, а главный акцент делался в основном на ее экспорте из Советской России.

Вместе с тем необходимо с осторожностью относиться к таким проблемным, на наш взгляд, вопросам, как экспорт революции, концепция сателлитизма, политических репрессий, порой односторонне трактовавшихся в западной историографии. К монгольским событиям в той или иной степени были причастны многие яркие личности – политики, военные, специалисты из Советской России по линии Коминтерна. И все же последнее слово оставалось за монгольскими руководителями. Безусловно, монгольские партийные руководители не были простыми марионетками, как принято было считать в западных работах, полностью подчинявшимися воле советских партийных и коминтерновских органов, а имели свое собственное видение, отражавшее внутренние факторы, национальные и государственные интересы.

В современных западных работах на основе применения новых методов и подходов исторического исследования, таких как «история памяти», политическая и социальная антропология, авторы делают серьезные попытки реконструировать политическую историю Монголии [Kaplonski 2002; Atwood 1999; 2003; Barkman 1997].

Исследования американского антрополога Кристофера Каплонски посвящены проблемам национальной идентичности и демократизации, политическим репрессиям и ламскому вопросу в Монголии. К. Каплонски детально рассматривает роль показательных процессов, политических репрессий, проводимых новой властью в лице МНП, как предвестников политического насилия на примере судебных процессов над высшими духовными иерархами буддийской церкви в Монголии. Автор приходит к мысли, что государственное насилие стало орудием во внутрипартийной борьбе между «правыми» и «левыми» в рядах МНП [Kaplonski 2002; 2004].

Среди современных западных ученых необходимо отметить работы немецкого монголоведа Удо Баркмана. Круг исследований У. Баркмана чрезвычайно широк – от теократической монархии Богдо-гэгэна, истории и политики МНРП до религиозного плюрализма и возрождения ламаизма; от советско-монгольских отношений до геополитической ситуации в стране; от формиро-

вания новой политической элиты до трансформации скотоводства и семьи в условиях перехода к рынку.

Особый интерес представляет работа У. Баркмана «Возрождение буддизма в Монголии». Данная работа раскрывает глубинные процессы взаимоотношений монгольского буддизма и национализма, рассматривает их взаимосвязь с идеями панмонголизма и участие в национально-освободительном движении в Монголии [Barkman 1994]. У. Баркман в работе «История Монголии или “монгольский вопрос”. Монголы на пути к национальному государству» подробно рассмотрел правовой и международный статус Монголии в различные периоды ее истории. По мнению У. Баркмана, Монголия в начале XX в. являлась ареной соперничества ведущих держав – России, Японии, Китая [Barkman 1999]. Надо отметить, что У. Баркман прекрасно владеет монгольским языком и использовал архивные источники Монгольского национального архива.

Исследовательским полем современных западных авторов, как правило, является изучение комплексных геополитических и экономических связей Монголии с внешним миром, при этом они обходят стороной российский контент. К настоящему времени преобладают публикации аналитического и публицистического характера, посвященные данной проблематике. Среди западных исследователей, занимающихся изучением различных аспектов внешней политики Монголии, нужно отметить Р. Бедески, А. Кампи, Россابي, Гинзбурга [Bedeski 2006; Campi 2004; Rossabi 2005; Ginsburg 1995].

Отдельные западные авторы, анализируя перспективы дальнейшего развития Монголии, все чаще рассматривают российскую политику в регионе в качестве важной составляющей монгольской безопасности [Campi 2004]. В работах современных западных исследователей получили освещение проблемы безопасности во Внутренней Азии. В связи с этим впервые термин «большая игра» в отношении Монголии был введен в оборот американским исследователем Э. Хайером в 1997 г. на страницах *Mongolian Journal of International Affairs* [Her 1997]. Следует отметить, что еще на рубеже XIX–XX вв. азиатское направление дальневосточной политики (Монголия, Тибет, Маньчжурия) стало ареной жесткого соперничества между Российской и Британской империями как часть «большой игры».

Тема фронта обрела новое развитие в рассмотрении исторической реконструкции этнической идентичности и национализма монгольских народов. У. Булаг выдвинул собственную концепцию коллаборативного национализма на основе анализа бинарной модели монголо-китайских отношений. В книге, получившей весьма положительные отзывы ведущих зарубежных монголоведов и синологов К. Хамфри, П. Пердю, К. Каплонски, У. Булаг прослеживает весь исторический путь, который привел монголов к нынешнему положению в КНР. Наиболее интересным, на наш взгляд, выглядят разделы, посвященные бурному периоду 1930-х и 1940-х гг., когда «монголы в Китае разрывались между тремя соперничающими силами: японцами в Маньчжоу-Го, Китайской национальной партией Гоминьдан и Коммунистической партией Китая (КПК)» [Bulag 2010: 102].

Различные аспекты национально-освободительного движения и создания Монгольского теократического государства в 1911 г. были детально рассмотрены в трудах японских исследователей Наками Тацуо, Макото Тачибана [Наками 2012; Тачибана 2012]. Т. Наками в работе «Семенов и монгольские войска» рассматривает деятельность Г.М. Семенова и монгольских войск в панмонгольском движении на территории Забайкалья, Внешней и Внутренней Монголии [Наками 2000]. В этом же ряду стоит выделить иссле-

дование Х. Футаки, в котором он на новых мемуарных источниках рассматривает истоки формирования Монгольской народной партии [Futaki 2000]. Известный ученый К. Танака уделяет большое внимание революционным и военным событиям XX в. в монгольском мире. В частности, он проследивает судьбы лидеров политических организаций в Монголии, движение баргутов в Хулун-Буире и т.д. [Tanaka 2010].

В современной западной науке исследованиям постсоциалистических взаимоотношений России и Монголии уделяется одно из основных мест. Возрос интерес к данной тематике в начале XXI в. В настоящее время изучение проблем истории Монголии XX в. стало частью так называемых центральноазиатских исследований (*Central and Inner Asia Studies*), которые начали оформляться в эпоху новых независимых государств на территории бывшего Советского Союза.

В связи с этим следует отметить работу научного сотрудника университета Регенсбурга (Германия) И.Ю. Морозовой «Социалистические революции в Азии». Автор является специалистом в области трансформации социальных процессов в постсоциалистической Азии. И.Ю. Морозова на основе оригинальных материалов из бывших советских и монгольских архивов переосмысливает социалистическое наследие Монголии и объясняет, почему в 1920-х гг. стал возможен переход к социализму. Кроме того, автор на основе постмодернистских подходов, структурного и системного анализов исследует модели власти и роль монгольского национализма на принятие решений о союзе с СССР в 1920–1930-х гг. и выборе демократического пути развития в конце 1980-х гг. [Morozova 2009].

Большое значение имеют планомерные монголоведческие исследования, которые получили институциональное оформление. Так, отметим, что важная научная и образовательная работа проводится Американским центром монголоведения (*American Center for Mongolian Studies – ACMS*). Эта частная некоммерческая организация поддерживает академические проекты по исследованию истории и культуры монгольских народов, организует стажировки ученых и студентов в Монголии, является базой крупных просветительских мероприятий.

Современные западные социологи, политологи, экономисты рассматривают Монголию в ряду других стран региона, стоящих перед сходными проблемами развития. В основном эти проблемы освещаются в русле конъюнктурной концепции переходной экономики и построения демократии и институтов рынка в обществах советского образца. Выделим работу американского исследователя М. Россابي «Современная Монголия: от ханов к комиссарам и к капиталистам» [Rossabi 2005], в которой раскрываются основные события «шокового» перехода от социалистической системы к рыночной экономике, в т.ч. анализируются культурные и международные последствия «открытия» Монголии. В своих дальнейших исследованиях он уделяет большее внимание более ранним периодам монгольской истории.

Формированию коллективной идентичности и возрождению традиционной культуры в условиях переходного этапа посвящены работы Д. Снiza [Sneath 2010]. Он утверждает, что образовавшийся вакуум в национальной политике после краха государственного социализма стал заполняться идеями возвращения к исконным традициям, что стало определенным ресурсом для политиков, которые, оперируя традиционными понятиями, в частности понятием «малой родины», стали аккумулировать общественную поддержку.

Таким образом, проведенный экскурс позволил проследить значительную

эволюцию монголоведных исследований в зарубежной историографии с послевоенного периода до современности от идеологического противостояния до достижения консенсуса и поиска новых теоретико-методологических подходов и актуальных проблем исследований. Мы постарались показать наиболее значимые исследовательские работы, в которых изучаются ключевые вопросы национально-освободительного движения Монголии, проблемы обретения независимости, коренных социальных преобразований и трансформации монгольского общества в современный период.

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Список литературы

Гольман М.И. 1970. *Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США*. М.: Наука. 178 с.

Наками Т. 2000. Семенов и монгольские войска. — *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. История. Философия. Социология. Филология. Искусство: материалы международной научной конференции*. Улан-Удэ. Изд-во БНЦ СО РАН. Т. IV. С. 123-127.

Atwood C.P. 1999. Sino-Soviet Diplomacy and the Second Partition of Mongolia, 1945–1946. — *Mongolia in the Twentieth Century: Landlocked Cosmopolitan* (ed. by S. Kotkin, B.A. Elleman). N.Y., London: M.E. Sharpe. P. 137-161.

Atwood C.P. 2003. The Mutual-Aid Co-operatives and the Animal Products Trade in Mongolia, 1913–1928. — *Inner Asia*. Vol. 5. No. 1. P. 65-91.

Barkmann U. 1994. Lamaismus in der Mongolei. — *Asien Africa Latinamerika*. Vol. 22. P. 34-40.

Barkmann U. 1997. Some Aspects of Geopolitical Situation of Modern Mongolia. — *Trust with Change and Development*. New Delhi. P. 31-34.

Barkmann U. 1999. *Geschichte der Mongolei oder Die, «Mongolische Frage»: Die Mongolen auf ihrem Weg zum eigenen Nationalstaat*. Bonn: Bouvier Verlag. 422 p.

Bawden Ch.R. 1968. *The Modern History of Mongolia*. London: Weidenfeld & Nicolson. 615 p.

Bedeski R.E. 2006. Mongolia as a Modern Sovereign Nation-State. — *The Mongolian Journal of International Affairs*. No. 13. P. 77-87.

Bulag U.E. 2010. *Collaborative Nationalism: The Politics of Friendship on China's Mongolian Frontier*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield. 281 p.

Campi A. 2004. Mongolian in Northeast Asia – New Realities. — *Geopolitical Relations between Contemporary Mongolia and Neighboring Asian Countries*. Taiwan: Chinese Culture University. P. 268-287.

Friters G. 1951. *Outer Mongolia and Its International Position*. Baltimore: Johns Hopkins Press. 358 p.

Futaki H. 2000. A Re-examination of the Establishment of the Mongolian People's Party, Centring on Dogsom's Memoir. — *Inner Asia*. Vol. 2. No. 1. P. 37-60.

Ginsburg T. 1995. Political in Mongolia. Between Russia and China. — *Asian Survey*. No. 5. P. 59-71.

Her E. 1997. «The Great Game»: Mongolia between Russia and China. — *The Mongolian Journal of International Affairs*. No. 4. P. 62-71.

Kaplonski Chr. 2002. Thirty Thousand Bullets. Remembering Political Repression in Mongolia. — *Historical Injustice and Democratic Transition in East Asia and Northern Europe: Ghosts at the Table of Democracy*. London: Routledge Curzon. P. 155-168.

- Kaplonski Chr. 2004. *Truth, History and Politics in Mongolia: the Memory of Heroes*. London, N.Y.: Routledge Curzon. 217 p.
- Lattimore O. 1955. *Nationalism and Revolution in Mongolia*. N.Y.: Oxford University Press. 186 p.
- Morozova Y. 2009. *Socialist Revolutions in Asia: The Social History of Mongolia in the Twentieth Century*. London: Routledge. 172 p.
- Murphy G. 1966. *Soviet Mongolia: A Study of the Oldest Political Satellite*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. IX, 224 p.
- Rossabi M. 2005. *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley: University of California Press. 418 p.
- Rupen R. 1964. *Mongols of Twentieth Century*. Mouton: Indiana University Press. 200 p.
- Rupen R. 1979. *How Mongolia Is Really Ruled: A Political History of the Mongolian People's Republic, 1900–1978*. Stanford: Hoover Institution Press. 225 p.
- Sneath D. 2010. Political Mobilization and the Construction of Collective Identity in Mongolia. – *Central Asian Survey*. Vol. 29. No. 3. P. 251–267.
- Tanaka K. 2010. *Nomonhan war – Manchuria and Mongolia*. Ulaanbaatar. 300 х.
- Tang P. 1959. *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931*. Durham, N.C., Duke University Press. 271 p.
- Наками Т. 2012. Ундэстэн улсаа багуулахыг зорьсон нь Монголын тусгаар тогтнолын 1911 оны тунхаглал. – *Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд (Олон улсын эрдэмшин жилгээний илтгэлийн эмхэтгэл)*. Улаанбаатар. С. 11–25.
- Тачибана М. 2012. XX зууны эхэн үеийн «Монголын туух» дэх Овор Монгол: Дагаар орсон хошуудын тухайд. – *Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд (Олон улсын эрдэмшин жилгээний илтгэлийнэмхэтгэл)*. Улаанбаатар. С. 270–277.

BATUNAEV Eduard Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Researcher of the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; Batunaevduard@mail.ru)

MODERN FOREIGN MONGOLIAN STUDIES: MAIN TRENDS AND DIRECTIONS

Abstract. The article is devoted to a historiographical review of the works of modern foreign Mongolian scholars, which presents the evolution of the views of western historiography in various aspects of Mongolian studies. Based on the analysis, the author reveals general trends, promising directions, methodological approaches in the development of foreign Mongolian studies.

Keywords: Mongolia, foreign historiography, Mongolian studies, foreign Mongolian studies, trends, methodology

---